

Даниэль Брэйн

БЫВШАЯ
ГРАФИНЯ

Даниэль Брэйн
Бывшая графиня

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Бывшая графиня / Д. Брэйи — «Автор», 2026

Муж поверил клеветникам, обвинил в прелюбодеянии, затеял позорный развод, отобрал дочь и вышвырнул нечестивую жену за порог, чтобы не смела порочить его честное имя. Я начала свою новую жизнь с грязной лужи. Поднялась и ушла с гордо поднятой головой. Жить в руинах песчаных замков я умею, приют дадут самой заблудшей душе, и найдутся чужие влиятельные враги. Все, кто ко мне был безжалостен, не просите пощады. Как аукнется, так и откликнется. Я верну дочь, чего бы мне это ни стоило, и чего бы это ни стоило вам. Зрелая попаданка в теле юной аристократки. Альтернативная РИ без магии, аутентичный быт XIX века, аристократия, друзья и враги, детектив, немного упоительных вечеров. Книга написана без использования ИИ.

© Брэйи Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Даниэль Брэйн

Бывшая графиня

Глава первая

Я высадила девчонку на пустой автобусной остановке.

— Уверена? — помедлив, крикнула я, когда она обошла машину и поравнялась с моим окном. — С тобой точно не нужно идти?

Девчонка замотала головой слишком категорично, чтобы меня это удовлетворило. Пока мы ехали, она приняла решение, и оно явно не было тем, каким нужно.

— Все запомнила? — я сильнее опустила стекло и задержала палец на клавише. Двери я заблокировала на автомате, едва моя пассажирка выбралась из машины.

— Да-да, — отозвалась девчонка — я даже не спросила ее имени! — не пряча раздражения. Настырная тетка ей надоела нравоучениями, она спешила отделаться от меня и совершить, к сожалению, непоправимое.

Я кивнула и ткнула пальцем в клавишу, давая окну закрыться. Вечерняя улица становилась еще темнее из-за чуть затонированного стекла, и силуэт девчонки расплывался во влажном воздухе. Я слушала мерное постукивание «аварийки» и смотрела девчонке вслед, гадая, как скоро она достанет телефон и все вернет на круги своя.

Она вытащила мобильный, даже не исчезнув из поля моего зрения. Я закусил губу, выругалась, сменила «аварийку» на поворотник и плавно тронула машину, убеждая себя, что сделала все, что могла.

Помочь можно тем, кто ищет помощи, но люди в большинстве алкают не удочку, а жилетку, самые наглые — рыбу, и чтобы красная и каждый день к столу. Всю свою жизнь... ладно, не всю, но ту ее часть, которой я откровенно гордилась, я посвятила спасению.

Животные были бы благодарней людей, а я не чувствовала себя каждый раз как оплеванная. Да, черт возьми, лучше бы я спасала верблюдов. Говоришь из раза в раз очевидные вещи, делаешь то, что вроде бы должен, а тебя выставляют дураком.

Эту пигалицу я подобрала — а лучше бы занималась котами! — на такой же вот остановке, рыдающую взахлеб, с синяком под глазом, в порванной куртке. Остальные делали вид, что их ничего не касается, и безразлично заходили в нужный им транспорт. Я остановилась, открыла дверь, позвала девчонку, и она села.

Сколько раз я думала: будь я мужчиной, они садились бы так же покорно или все-таки нет?

История, старая как мир, и надоевшая, как навязчивая дрянная мелодия в супермаркете. Застала возлюбленного с другой, а он возьми и предпочти другую. Случился небольшой скандал, во время которого «другая» благополучно сбежала, а моя пассажирка получила от возлюбленного синяк, сломанный зуб и пинок под зад. Квартира съемная, родители далеко, работа копеечная, денег нет, идти некуда. Я предложила — в полицию, в конце концов, рукоприкладство наказуемо.

Девчонка рыдала, согласно трясла головой, ее телефон надрывался в кармане, и я предупредила — выключи, не отвечай, кинь номер сейчас же в черный список. Паспорт при тебе — отправляйся в травмпункт, оттуда в полицию, пиши заявление. Сколько раз я это твердила? Черт возьми, заведи себе попугая, пусть старается вместо меня и тараторит важные, но напрасные вещи.

Девчонка не пошла ни в какой травмпункт, она названивает единственному, другого такого больше не будет. Все они так говорят и, что главное, в это безоговорочно верят, а

откроешь любой материал из последних сводок — «единственных» как на жучке блох. Впрочем, когда «единственный» все-таки исчезает в любом из доступных ему направлений, другой «единственный» оказывается точно таким же, как по заказу.

И все сначала. Люди сами себе враги. И хуже, когда врагами они становятся собственным детям, и вот тогда — о, тогда на наши бедовые головы льются помои со всех сторон. Когда я сама была в такой ситуации — нет, даже хуже, и решила заняться помощью женщинам в трудной жизненной ситуации, потому что мне нужно было хоть что-то делать, а что я умела, да ничего, — моя куратор сказала: «Первое, что ты должна уяснить: помочь можно тем, кто сам этого хочет. Второе: это твоя работа. Закончен рабочий день, и все. Иначе сгоришь».

Первую часть совета я запомнила, вторую не исполняла до сих пор, хотя тогда, когда все начиналось, мне было необходимо гореть хоть чем-то, а сейчас... за четырнадцать лет ничего не изменилось, разве что я постарела и помудрела, но все еще надеялась сделать мир немножко лучше и исцелить смертельно больных.

В мои почти пятьдесят звучало безумно.

Девчонка, чье имя я забыла спросить, потому что таких девчонок я встречала десятки в неделю. Я позволила ей уйти, зная, что буду шерстить городские сводки происшествий и судорожно искать по скудным описаниям нужный район, похожий возраст, и рассчитывать, что в конце сообщат: «Был задержан».

Я еще чувствовала запах дешевых духов — явная же подделка, и слышала отчаянные всхлипывания как наяву. Не глядя, я протянула руку и приоткрыла окно, в машину ворвалась весна, в последние годы какая-то неуравновешенная. За пару недель в самом начале марта она сжигала сугробы дотла, вытряхивала людей из теплых курток, выманивала сонную, застенчивую траву, а потом каменела, нагоняла на город тучи, сыпала мелким колючим снегом, покрывала инеем позеленевший газон, словно ей нравилось, как за капризы ее поносили недобрым словом.

Странная весна у нас стала, любительница эмоциональных качелей. Ей бы на терапию, это нездорово, когда тебя любят за нежность и тепло, а ты хочешь казаться злобной стервой. Дышит мне в ухо зябкой влагой, напрашивается на брань, оседает на окнах каплями.

Светофор впереди замигал желтым, я не стала нагнеть, я всегда берегла самое дорогое — жизнь, плавно затормозила, сделала музыку погромче. Завывал под незапоминающуюся мелодию популярный парниша на незнакомом мне языке, и складывалось впечатление, что его во время пения нещадно лупили.

Огромное нечто, неотвратимо и неправдоподобно медленно надвигающееся на меня, я заметила в боковом зеркале чисто случайно. Я успела рассмотреть белый плоский капот, чистый номерной знак, включенные фары ближнего света, к воплям певца добавились металлический скрежет и звон, а искрящаяся рекламой и светом фар улица превратилась в рассыпающийся острым стеклом калейдоскоп.

Я не почувствовала ни боли, ни страха. Я даже не потеряла сознание. Меня должно было перемолоть, как в жерновах, сдавить, не оставить живого места, но когда наступила тишина, лишь саднил локоть, будто я неудачно упала с велосипеда на низкой скорости. Стояла темнота, на сомкнутых веках было мокрое, я зажмурилась сильнее, проморгалась и с опаской открыла глаза. Меня окружала мутная серость, и я утыкалась в нее лицом, как в туман.

Пахло конским навозом и пряной весенней гнилью, по-комариному дребезжало в ушах, дальше собственного носа я ничего не видела, кроме вонючего болотца и руки — изящной, затянутой до запястья в темно-синюю ткань. Все остальное тонуло в сером мареве. Я дернула плечом, локоть откликнулся короткой болью, и тонкие пальцы руки сжались, впустую хватая грязную жижу.

При аварии что-то случилось с ремнем безопасности, меня вышвырнуло из машины, это спасло. Очки слетели, подводит слух, я получила травмы и, видно, серьезные, но я жива, а глумливый смех и злорадные крики, которые я начала различать, пустое.

— Дурная барыня! Дурная! Растащи́ха! Распутня!

— Вставайте, барыня, подымайтесь! Негоже так, под копытами-то, лежать! Городового кликнут!

— Ишь, разлеглась! А ноги-то, ноги-то голые! Растащи́ха!

Туман рассеивался, ко мне возвращалась способность видеть. Вокруг меня было что-то сильное, длинное, тонкое и, как ни странно, живое, сквозь пальцы сочилась странная вязкая грязь, непохожая на прекрасно знакомые лужи и пахнувшая совершенно не так, как должны пахнуть лужи — бензином, машинным маслом, пролитой кем-то «омывайкой» и незнакомой мне коммунальной химией. Сколько раз меня, как и любого прохожего, смачно окатывала пролетевшая мимо машина, и сколько раз я, как и все, посылала на голову идиота-водителя кары. Трудно сказать, настигла ли кара хоть одного...

В ухо мне кто-то захрипел, я в ужасе подскочила, снова ударились локтем, заполошно повернулась и уткнулась в морду склонившейся ко мне лошади. Лошадь фыркала, осторожно переступала ногами, и, хотя она вела себя смирно, я перепугалась. Кто-то бесцеремонно спащал меня за лодыжки и поволок прямо по луже, я не сопротивлялась.

Безобидная лошадь, которой не место было на трехполосной городской улице, пугала больше, чем предсказуемые видения. Лошадь видением не была.

Издевательские крики и смех заглушил торопливый свисток, меня вытащили наконец на свет, и он оказался настолько ярким, что я зажмурилась.

Это свет операционной лампы, нужно довериться врачам, а все, что привиделось, после исправит психиатр.

— Не виноватый я, вашблагородие! Как Всеотец велик видит, не виноватый! Барыня выскочила, и чего поперек неслась, дороги не разбирая! — монотонно и униженно оправдывался какой-то мужчина. — Да у кого вон спросите, не виноватый!

— Правда, правду он говорит, вашбродь! Барыня блажная, не иначе!

— Живая хоть?

— Да что ей станется?

Я смаргивала выступившие слезы, дул сильный, соленый, словно с моря, студеный ветер, и меня начало нешуточно трясти. Я облизывала губы, терла глаза, хваталась за виски, терзала длинные, густые, растрепанные волосы, забыв, что перемазана в уличной грязи, и смех становился громче.

Передо мной возникло усатое лицо, и меня разве что не обнюхали. Брезгливо мне протянули руку, и я встала, не чувствуя ни собственных ног, ни чужой предложенной мне руки, и смех преследовал меня, как паяца на арене. Я вглядывалась в свой кошмар. Длинные, мрачные одежды, женщины все в платках, мужчины в головных уборах, забитая людьми и конными экипажами проезжая часть, все встали, всем интересно, серое небо царапают голые продрогшие деревья, везде камень и покрытый патиной металл, и возвышается громада казенного здания.

Городовой, тщательно вытерев запачканную перчатку, опомнился и сунул в рот свисток.

— Барыня! Барыня! Барыню переехали! Ой, не видать мне света белого, барыню переехали! Куда смотрел, Акимка, кривая твоя харя! Ай, барыня!

Под пронзительный бабий визг, рьяный свист городского и улюлюканье меня опять схватили и поволокли, и снова я не сопротивлялась, лишь рассматривала неровную брусчатку и бесконечные лужи на ней. Свистел, разгоняя зевак, уже не один городской, а несколько, и замершая улица вздрогнула, забурлила, вернулась мгновенно к прежнему упорядоченному хаосу, а я смотрела на мир вокруг, боясь что-то понять.

Я совершенно точно не пострадала и боль в локте перестала замечать. Мне холодно, мне давит грудь. Корсет, который только что мне наложили на переломанные ребра травматологи.

— Барыня? — плаксиво всхлипнула визгливая баба и, размахнувшись, сильно ударила меня по щеке. — Глянь, Акимка, живая... Барыня, чего кинулись-то? Акимка, укрой барыню чем, застынет.

— Да чем?

На меня смотрел единственным глазом молодой бородатый парень и отмахивался от низенькой, похожей на колобка, полногрудой женщины в длинном сером платье, но с неожиданно ярким платком на плечах. Синие, красные, желтые цветы заколдовали, я не могла отвести от них взгляд, хотелось прикоснуться к ним пальцем и убедиться в их существовании. Руки, я чувствовала, ледяные, но холод терзал будто бы не меня.

— Нюрка, вона, платок сыми! — сообразил наконец Акимка и, не дожидаясь, пока Нюрка прочухается, сорвал с нее платок и издалека, как на прокаженную, накинул его на меня.

Не стало ни теплее, ни спокойнее, хотелось закрыться от мира, который пугал. Зачем меня вытащили из-под лошадиных копыт, там так хорошо, и нет ни конных офицеров, кидающих на меня высокомерные взгляды, ни дам, хихикающих в мою сторону из будто нарочно замедляющих ход колясок, ни прочего сброда, тыкающего в меня пальцами.

Лошадь, черт бы ее побрал, была самым привычным. Все остальное — низкобюджетная декорация, которой для достоверности добавили смрад и приглушили природные краски.

Нюрка злобно запыхтела, уставившись на Акимку, но платок не забрала, а Акимка прикидывался не причастным и не отрываясь смотрел на другую сторону улицы. Нюрка по-кобыльи задрала верхнюю губу, подслеповато прищурилась на казенный дом, и я проследила за ее взглядом. Открылись двери, вышли несколько серых мужчин — все здесь серое! — появился высокий, представительный, но какой-то нескладный, словно слепленный из нескольких человек, как монстр Франкенштейна, мужчина, и молодая женщина в строгом платье и фартуке вывела за руку девочку лет шести.

Нюрка ахнула, заметалась, но было поздно.

— Мама!

Мне показалось, что мир разбился вдребезги второй раз.

Глава вторая

— Мама! Мамочка! Мама! Где моя мама!

Нет-нет-нет-нет, держите ее, держите, она сейчас бросится через дорогу! Я зажала рукой рот, вдыхая тяжело и громко, и боялась оторвать взор от малышки, которую — слава богу! — уже крепко схватили и опомнившаяся женщина в фартуке, и один из вышедших мужчин. Франкенштейн, закрывая от меня девочку, злобно озирался по сторонам.

Наши взгляды встретились, и я осознала две вещи: я удивительно хорошо вижу без очков и я боюсь этого человека.

— Пойдем, пойдем, — торопливо тянула меня в сторону Нюрка, — пойдем, барыня, вам больше туда нельзя. Все, — сурово прибавила она, когда я отвела взгляд от Франкенштейна и девочки, — все, а неча теперь слезы лить, барыня. Там таперича жизнь своя, у вас своя.

Подумав, она потянула было платок с моих плеч, но передумала.

— Ну, прощайте, барыня! — и Нюрка, снова оскалившись, покачала головой, одним движением все-таки сдернула с меня платок, повернулась и потрусила прочь.

Акимку я уже и вовсе не видела, а когда опомнилась и стала искать на той стороне улицы дочь...

Господи. Дочь! Чужой город, чужие краски, звуки и запахи, чужое тело, чужие люди, но отчаянное «Мама!» ни с чем не спутать. Малышка кричала мне.

Мама. Безумно ранит в самое сердце. Бессчетное количество раз при мне так называли других женщин, и ласково, и гневно, с любовью и равнодушно, но слышать «мама», когда зовут тебя так безнадежно, будто в последний раз, словно моя дочь никогда меня больше не увидит и знает это, — невыносимо, и я искала незнакомую мне малышку среди безликой толпы.

Но никого уже не было, двое серых мужчин не спеша возвращались по лестнице обратно в здание, и в поток вклинилась, чуть всех задержав, закрытая темная карета с гербом. Я потеряла ее из виду почти сразу среди десятков таких же темных, с гербами и без, карет.

Грязным рукавом, потому что мне нечего терять, я размашисто провела по лицу. Где я, кто я, почему меня разлучили с дочерью, почему гоготали люди, зачем я сломя голову бежала через дорогу? Почему Нюрка, уверившись, что я цела, ушла, как зная меня не хотела, куда мне теперь идти?

Я побрела по грязной брусчатке, не чувствуя больше холода, не ощущая ни боли, ни стыда. Ни боль, ни стыд не характерны для человека, лежащего на операционном столе, хирурги обо мне позаботятся, но причинять подобные муки бесчеловечно для подсознания. Я обязательно задам психиатру вопрос: в бреде проявляется то, чего мы больше всего боимся? Дочь — наверное, дочь! — которую я единственный раз в своей долгой жизни смогла зачать, но не смогла выносить, дочь, покинувшая меня после трех с половиной месяцев жизни под моим сердцем.

Даже здесь у меня отобрали дочь. Я не пережила удар фуры, я в аду, и мне предстоит маяться вечно?

Тогда швырните меня на сковороду и дайте забыть все, что я тут видела и слышала. Я не была хорошим человеком... наверное. Я многое сделала не так, но я не заслужила такие пытки. Это «Мама!» до сих пор заглушает конское ржание, стук колес, крики газетчиков и торговцев, брань извозчиков, свистки городских. Если я лягу и засну прямо здесь, на этой вот улице, рядом вон с тем бродягой, мне станет лучше? Я перестану слышать детский крик, наступит блаженная тишина, меня окутает дрема и я смогу немного поспать?

Но я не легла, прошла мимо бродяги, углядела впереди небольшую нишу и забилась в нее, сжалась, смотрела на отчетливый блеклый мир. Никто не описал ад, какой он есть — вот у

меня отныне прекрасное зрение, но все, что видят мои глаза, — сто пятьдесят оттенков серого. На улице ранняя весна, лишь снег сошел, и люди тепло одеты, не то что я...

Мой личный ад напоминает мне, что было со мной однажды. Перечисляет все, что я имела в виду, когда говорила другим женщинам: «Вы тоже сможете».

Что-то сильно толкнуло меня в бок, и я отпрыгнула, запутавшись в длинной юбке. Она, непонятно какого цвета, несуразная, сзади пышная, спереди прямая и чуть зауженная в коленях, запачканная в грязи, мокрая, липла к ногам, и я ее одернула.

— Анна? Всеотец всевидящий, Анна, вы ли это? Душенька, Анна Дмитриевна, что с вами, взгляните же на меня! Жорж, Жорж, идите скорее сюда, что вы копаетесь, графиня Анна Дмитриевна в беде!

Молодая, нарядная, яркая, как тропический редкий цветок, женщина с изумительно затейливой прической жеманно звала на помощь, не приближаясь ко мне. Рядом с ней идиолом высился высоченный лакей с палкой в руке, и его ее крики не трогали абсолютно.

— Анна Дмитриевна, вы узнаете меня? — всплеснула руками цветочная фея, но едва я сделала шаг, она отскочила прочь и натолкнулась на собственного холуя, которого все еще никак не касалось происходящее. — Я Софи, Софи Яблонская, ну что же вы! Жорж, наконец-то, как вы долго! Анна Дмитриевна меня не узнает!

Жорж, чье буржуинское пузо наверняка потом, спустя лет этак тридцать, послужит карикатуристам вдохновением, при виде меня вздрогнул, но промолчал, лишь коротко кивнул лакею, и тот соизволил раскрыть над его головой зонт, хотя дождя не было. Или я не чувствовала, что он идет?.. Жорж взял под локоть свою спутницу, что-то быстро затараторившую, перебил ее парой коротких фраз, и кукольное лицо Софи преобразилось.

— Не может быть! — экзальтированно воскликнула она, известив о своем сомнении всю улицу. — Анна Дмитриевна, нет, я не верю!

Жоржу ее неверие было до фонаря, он снова сказал ей что-то и повел прочь, придерживая за локоть. Софи пару раз растерянно оглянулась. В ее взгляде больше не было ни капли сочувствия, лишь адское любопытство.

Каким еще может быть любопытство в аду?

— Барыня! — услышала я и поняла, что окликают меня уже не впервые. Дворник с сияющей бляхой на груди толстым пальцем указывал мне убраться вон. — Не надо вам тут стоять, барыня, дом тут приличный.

А я больше к священному сословию приличных людей не принадлежу? Графиня Анна Дмитриевна, может, эта Софи действительно обозналась?

Представительный господин Франкенштейн, дочь, бонна, карета с гербами, мое платье... ткань явно не из дешевых, прислуга, давшая мне пинка. Я, кажется, сброшена с Олимпа не то что к простым смертным — на самое дно, и у меня нет крыши над головой. Я ничего не заслужила.

Что мне кричали простолюдины? Блудница, распутница... нет, не то.

— Простите, что значит «расташиха»? — кинулась я к женщине, которая мне показалась милой. Легко ошибиться в людях, спору нет, но женщина не выглядела как та, кто сходу пошлет... куда подальше. — Сударыня?..

Так смотрят на бомжей и опустившихся донельзя пьяниц, решая, вызвать ли полицию и выгнать из вестибюля метро или проявить снисхождение. Я отступила, вспомнила, что видела недалеко бродягу, только вот я успела уже пройти достаточно, чтобы потерять его из виду.

Как выгляжу я сама? На мне дорогое, бесспорно, платье, есть даже перстень с крупным камнем, но я вся вымазана в грязи, как последняя нищенка-замарашка. От меня несет — господи! — дерьмом, и то, что это конский навоз, дело уже десятое... Для тех, кто может меня узнать, я, видимо, неприкасаемая, для тех, кто видит меня впервые, я нечто среднее между

выкинутой на улицу содержанкой и побирušкой, которой повезло найти, а может быть, и стащить барское платье.

Пока я еще не решила, жива я или же нет, мне нужно о себе позаботиться. Первое правило — маску сначала на себя, затем на ребенка, и я, потискав на пальце перстень, решительно пошла по тротуару, придав себе надменный и независимый вид. Если Софи не ошиблась, то добрая половина тех, кто сейчас гадливо косится на меня, не стоят пыли под моими ногами. И эта мысль мне в голову бы никогда не пришла там, где я сейчас лежала в реанимации. Но здесь вы сами, господа, расчеркали себя по сословиям.

«Ломбардъ Поросятков и с-ья, Нивенбургъ, закладъ с 1854». Занятной вывеске я поухмылялась, подобрала юбку, поразившись, насколько заученным вышел жест — а ведь я не носила юбки, пожалуй, со школы, — и поднялась по крутым ступенькам.

— Что желаете-с? Заклад, выкуп?

Какая изумительная выдержка, подумала я, пытаюсь улыбнуться вышколенному приказчику. Он зрил перед собой чудовище, но одновременно и клиента, и не доставил бы этот клиент ему проблем.

— Заклад, — я не без труда стянула с пальца перстень и, подойдя к стойке, положила его на тарелочку.

Было странное чувство, что мне жаль этот перстень, с ним связано что-то личное, что-то важное, но я подавила рефлексии на корню. Сейчас главное выжить, грустить буду потом. Никто, ни одна живая душа, как я поняла, по доброте мне не поможет, и все, что может меня спасти, как всегда и везде, — деньги.

Перстень был прекрасен. Работа явно не кустаря, а ювелира с громким именем. Приказчик важно прошел за стойку, сунул в глаз прибор, похожий на монокль, долго рассматривал перстень то на вытянутой руке, то поднося его чуть ли не к носу.

— Можно ли поскорее, — взмолилась я, придав голосу подобающую нервозность. — Вы видите, что приключилось? Мой экипаж опрокинулся, мою компаньонку отвезли в больницу. Деньги нужны срочно, но цену этому перстню я знаю.

— Сколько-с изволите просить?

Я прогадаю, какую бы сумму ни назвала.

— Три тысячи.

Знать бы еще чего. В моем бреде мне должны были выдать инструкцию по прохождению квеста.

— Три тысячи-с-с-с... — зашипел приказчик, возвращая перстень на блюдечко. С моноклем в глазу он выглядел как Терминатор. — Сему перстню хорошая цена полторы-с, но мое заведение не благотворительное-с. Понимаю ваше горе, — поспешно добавил он, — могу дать семьсот пятьдесят кун по закладу-с. Под четырнадцать процентов годовых, сто пять кун вперед пожалуйста-с.

Я зашарила руками по платью. Карманов нет, нет ни кошелечка, ни сумочки, вообще ничего, и пронзила безумная мысль — что это было за казенное здание? Я же не могла без документов быть в суде?..

— Сударыня?

Приказчик стал нетерпелив, хотя никого, кроме меня, в ломбарде не было, никто его не торопил, и распугать я могла разве что двух онемевших от моего вида канареек. Я до боли выпрямила спину и тряхнула головой.

— Деньги... после пришлю, — высокомерно сказала я, оттопырив губу, но впустую. Люди в подобных заведениях чего только ни повидали.

— Ежели после-с, то могу только выкупить-с, — пожал плечами приказчик. — Цена будет другой, четыреста кун-с, деньги сразу.

Эта невозмутимая тварь меня только что обобрала больше чем на тысячу. Я скрипнула зубами. У меня есть выбор? Может искать другой ломбард, но условия, скорее всего, везде окажутся одинаковыми.

— Шестьсот, — твердо сказала я. — Я не купчиха торговаться.

— Как Всеотец свят, сударыня, шестьсот не могу, — приказчик прижал руку к груди, словно так выглядел участливее и честнее. — Четыреста пятьдесят, последняя цена, — и, пока я не открыла рот, прибавил: — Паспорт пожалуйста-с.

— Паспорт?..

Тебе, может быть, код с «Госуслуг» еще назвать, выжига?

— Сударыня! — воззвал к моей совести приказчик — нашел, что выкликивать, я ее оставила где-то за порогом собственного двадцатисемилетия. — Без паспорту-с такую вещь принять не могу, только в заклад, а тогда пожалуйста...

Я, не дослушав, схватила перстень и выбежала из ломбарда, едва не забыв про крутую лестницу и потому чуть не споткнувшись. Я вовремя ухватилась за перила, сумела не уронить перстень, успела подумать, что нужно идти к какому-нибудь ростовщику, который даст мне процентов десять реальной стоимости проклятой цацки.

Стоя у подножия лестницы, я подняла голову к небу. Безразличные ко всему, серые, тяжелые, налитые влагой, готовый вот-вот пролиться, надо мной ползли облака, цепляясь за тонкие шпили на крышах. Быть может, серый полог сейчас разойдется, меня ослепит белый свет и улыбнется веселый реаниматолог? Отпустит шуточку, почему-то реаниматологи самые веселые доктора. Окликнет меня, проверит мою реакцию.

— Анна Дмитриевна!

Голос прозвучал близко, но не с небес. Я вздрогнула, я сама себе возле ломбарда казалась попавшей в ловушку. Люди шли мимо, и им тоже было на меня наплевать, всем, кроме кого-то одного.

— Анна Дмитриевна!

Высокий и, судя по комплекции и ловкости, молодой еще человек благородного, чтоб его, сословия возник ниоткуда, коротко поклонившись. Скулы у него были острые, как у киногероя, а манеры выявились паршивые.

— Позвольте, Анна Дмитриевна, — он сунул мне под руку локоть, я подалась назад. — Верно, что не в себе, — пробормотал неизвестный и, быстро сцапав меня за запястье, потащил за собой.

— Пустите! — опомнилась я не сразу, но упиралась всерьез. — Пустите, я буду кричать! Не смейте! Городовой!

— Кричите, — легко позволил мой похититель, но запястье не выпустил. — Я вижу, что вы из ломбарда вышли несолоно хлебавши, Анна Дмитриевна. Рискнете теперь отправиться на Лиховку или выберете Опраксин двор?.. Тогда идите со мной так, чтобы никому не казалось, что я волоку вас в острог.

Глава третья

Не слишком-то галантный незнакомец был, бесспорно, прав, обозначив мне мои безрадостные перспективы. Я не знала, что за Лиховка, что за Опраксин двор, но тон, которым это было проговорено, намекал — это места, откуда уйти целой и невредимой задача не из простых, и мне об этом должно быть известно.

Куда бы он меня ни вел, к кому бы он меня ни вел, там будет лучше, чем на улице, где от меня шарахаются. Там будет крыша над головой. Что со мной, в конце концов, случится хуже, чем столкновение с грузовиком, и если я умру, то явно не потому, что мне воткнул нож в спину где-то в несуществующей реальности.

Существующей в моем воображении...

— Прошу, Анна Дмитриевна, — сухо пригласил незнакомец. Я бросила на него косой взгляд — он ведет себя так, словно мы прекрасно знакомы, вряд ли друзья, но он полагает, что я ему доверюсь. В той ситуации, в какой я оказалась, у меня другого выхода нет.

Экипаж был скромнее, чем тот, который увез мою дочь, но тянул на представительский класс. Незнакомец зачем-то снял шляпу, протянул мне руку, а я застыла.

Крошечная, почти как стремя, подножка, на которую я просто не понимала, как встать, еще и в платье, не позволяющем сделать широкий шаг. Корсет до этого момента я ощущала временами, но сейчас он не давал необходимой свободы движений. Неловкость чувствовала не одна я.

— Вам нехорошо, Анна Дмитриевна? — безразлично спросил незнакомец.

— Нет... да, — и пусть делает, что захочет. Или я на глазах у всей улицы задеру эту чертову юбку до бедер — мне ведь ниже уже некуда падать, ведь так? — и залезу в эту коробку, как в детстве карабкалась на стол, воображая, что это пиратский корабль.

В моем представлении хватать даму, пусть даже «растащиху», не стоило, но мой похититель приподнял меня за талию, поставил в экипаж, и мне ничего не оставалось делать, как сесть. Сиденье оказалось узким, жесткая прокладка юбки сзади никак не давала мне устроиться, я кое-как уселась, мой кавалер закрыл дверцу, обошел экипаж и сел напротив меня.

Или это проявление вежливости, или даже для него я неприкасаемая.

— Чтобы вы понимали, Анна Дмитриевна, — сказал он, когда экипаж тронулся, и говорить ему приходилось громко, из-за раздавшегося шума я с трудом разбирала его слова. — Я не вмешивался в ваш... конфликт с Андреем Аркадьевичем. Я не занимаю ничью сторону.

Я раздраженно кивнула, потому что он замолчал, ожидая ответ. Мне было вообще не до разговоров — едва мы поехали, как я начала сползать вперед, хотя сидела по направлению движения. Стоило мне откинуться назад, как сильно давил корсет, попытке угнездиться поглубже мешала прокладка на юбке, и в итоге я смогла только сильно отклячить зад и наклониться вперед, упершись ногами в пол.

— Ваше положение почти что безвыходно, — продолжал красавец настолько официально, что у меня зародились подозрения — он или поверенный, или же адвокат, из тех, кому наплевать на чувства клиента. Высокий профессионализм, которого я за собой не замечала. — Вы разведены — это плохо. Развод был по инициативе Андрея Аркадьевича — это еще хуже. Развод был по причине вашей... неверности, и это, как вы понимаете, ставит на вас клеймо.

Экипаж накренился на повороте, я подняла голову и взглянула в холодные серые глаза. Да что ты знаешь вообще о клеймах, мальчик? Я ими усеяна вся с рождения, как каторжанка, и представь, я превратила свою слабость в свою силу.

— У вас нет паспорта, и я уверен, Андрей Аркадьевич его вам не даст. У вас нет имущества, насколько я помню. Все, что унаследовал отец Афанасий, он передал при принятии обета обители, а ваши средства... их ведь было немного?

Он снова ждал ответа, я скривилась. Пусть трактует мое молчание, как ему угодно — что за отец Афанасий, кто он мне, какое он отношение имеет к какому-то наследству, какое к неведомому наследству отношение имею я?

— Полно, Анна Дмитриевна, — усмехнулся незнакомец. — Вы голы, босы, без денег, без крыши над головой. Ваш развод обсуждает весь Нивенбург — это пока, через два-три дня слухи дойдут до старой столицы, и там вам тоже никто не подаст руки и не откроет перед вами двери своего дома.

— Тогда куда вы меня везете и зачем? — разлепила я губы. Вопросов было множество, но куда сильнее, чем любопытство, в меня вцепились холод, голод и неимоверная усталость. Я чувствовала, что еще немного, и начну биться в попытках согреться как в падучей.

Возможно, это будет и хорошо. В больнице все равны. Или нет?

— Я вас везу к единственному человеку, который с удовольствием плюет на приличия, — незнакомец хохотнул уже неприкрыто, и аристократичность его дрогнула, на мгновение передо мной мелькнул удачно притворяющийся аферист. — Впрочем, мы уже приехали, Анна Дмитриевна. Сколько раз вы мечтали в этом доме побывать?

Как неудобно мне ни было, но я выглянула в окно, снова отметив, как непривычно все видеть, как в очках, но без очков. Строение, возле которого мы остановились, не выглядело как место желаемое, но запретное. Обычный двухэтажный дом, добротный, каменный, такие сохранились в огромном количестве, и лет пятнадцать назад помещения в них охотно арендовали под офисы, а потом смекнули, что центр города не самая выгодная локация, и окна бывших особняков запестрели заискивающими надписями «сдается в аренду».

— Прошу, — протянул мне руку незнакомец, и я прикрыла веки, чтобы не так уж явно закатывать глаза. Опять эта проклятая приступочка?

— В таком виде вы меня можете только похитить, сударь, — невнятно и нервно пробормотала я, но опасалась не похищения, а того, что все-таки шлепнусь. Мне не хотелось, чтобы незнакомец еще раз меня хватал. — Я имею в виду, я вся в грязи, и...

— Пустое, Анна Дмитриевна, — улыбнулся незнакомец и подхватил меня, потому что я опасно зашаталась. — Если где-то и восхитятся вашему виду, так это здесь.

На притон не похоже, безразлично думала я, пока мой провожатый стучал бронзовым молоточком по бронзовой же тарелочке. Не думаю, что где-то когда-нибудь существовала секта, охотившаяся на выброшенных на обочину жизни графинь. Такой товар все-таки штучный, а в жертву не приносили взрослых женщин, замужних и матерей, если я правильно помню теорию. Пересадка органов здесь никому не знакома, весь город в курсе, что я никто, а значит, никто не даст за меня выкуп, я вряд ли владею ценной информацией, у меня нет денег и для криминала я не представляю интерес. Перстень снять с меня — таких сложностей тоже не стоит.

Не открывали нам довольно долго, я искоса наблюдала за незнакомцем, надеясь, что он занервничает, но ожидание на пороге дома, куда я так мечтала, оказывается, попасть, было в порядке вещей. Дверь наконец открылась, нас встретил лакей с лошадиным лицом, и показательно — вышколен он был так, что я вся в грязи его не удивила.

— Доложи обо мне, Савватей, — небрежно бросил ему незнакомец, поворачиваясь спиной, чтобы лакей снял пальто, — и пришли Анне Дмитриевне горничную.

Мы оказались в маленькой тесной прихожей. Кожаный диван, вешалка, зеркало с подносом, куда незнакомец сунул нос и, едва скрылся Савватей, порылся в визитных карточках. Мое присутствие его не смущало.

Послышались шаги, появилась молодая грудастая горничная с тазом и полотенцами. Я прислушалась к себе — мое тело больше не подает никаких признаков дискомфорта, мне не холодно и, кажется, даже не мокро. Реалистичный, но недоработанный кошмар.

— Позвольте, барыня, — обратилась ко мне горничная, ставя таз с водой прямо на глянце-
вый столик у зеркала. Я подумала, что унижения, которое мне предстоит, можно и избежать.

— Благодарю, не стоит, — сквозь зубы сказала я, выпрямляясь. Лучше бы мне позволили
снять корсет, но, по всему судя, он теперь мой товарищ на долгие годы, может быть, и на всю
оставшуюся мне жизнь.

Горничная растерянно посмотрела на незнакомца.

— Помогите ее сия... Анне Дмитриевне, Глафира, — с нажимом попросил он. Я по-бабьи
сложила руки на груди.

Глафира потерялась окончательно и глупо моргнула, уставившись на меня. Ах да, гра-
финя, ваше сиятельство, да неужели и правда я ей когда-то была?

— Может быть, хотя бы не здесь? — с ненавистью спросила я незнакомца. — Вы обра-
щаетесь со мной, как... как с... какой-то...

Все слова, которые вертелись у меня на языке, были по смыслу правильными, но грозили
обмороком не только Глафире.

— С вами, милая Анна Дмитриевна, теперь будут обращаться только так, — незнакомец
смотрел на меня снова так равнодушно, словно его задачей было отконвоировать меня, чуть
отмыться и сдать кому-то... или все так и есть? — Но будь по-вашему.

Посмеиваясь, он прошел в комнаты, и я осталась один на один с еще одним абсолютно
чужим мне человеком.

Меня хотят уязвить, подумала я, выпрямляясь и позволяя Глафире приблизиться ко мне
с мокрой тряпкой. Полно, девчонка не причинит мне зла, она такая же подневольная, как...
как я? Или мне много хуже в моем положении? Я предпочла бы сейчас очищать уличную срань
с платья аристократки или быть этой самой аристократкой в дерьме?

Ответ очевиден. И, пока Глафира бережно, деликатно пыталась привести меня в боже-
ский вид, я воспользовалась тем, что зеркало под боком.

Я молода и, черт возьми, очень красива. И то и другое минус, когда ты не выглядываешь
из окна роскошного экипажа. Немного смуглая, будто загорелая кожа, и я не чувствую ни
грамма косметики на лице, все свое, все природное. Светлые карие глаза, тонкий нос, губы на
зависть любой скороспелой модной селебрити с тысячей подписчиков, густые, чуть выющиеся
каштановые волосы, сейчас растрепанные, перемазанные невесть чем.

Впрочем, смотреть правде в глаза обидно, но крайне полезно для трезвой оценки ситуа-
ции. В дерьме я, в полном дерьме.

— Позвольте, ваше сиятельство, туточки еще оботру, — попросила Глафира, суя мне в
нос уже совсем не чистую тряпку. Холера бы ее побрала... и дифтерия, и оспа, и тиф, здесь в
каждом сосуде прячется смерть, как в игре на выживание.

Меня хотели уязвить, но зачем, когда и так несчастная Анна низложена? Я чуть накло-
нила голову, прикрывая глаза и стараясь не рывкнуть на Глафиру. Она все равно не поймет,
почему я послала ее менять воду, и точно откажется исполнять мой приказ. Я ей никто, в отли-
чие от ее хозяев.

Меня хотели унизить именно здесь, в этом доме, и еще сильнее, чем меня уже растоп-
тали на улице. Значит, пройти дальше прихожей я должна, согласная на все. Ну, посмотрим, в
любую игру можно играть вдвоем. Тот, кто сейчас потирает лапки, рассчитывая через замоч-
ную скважину увидеть втопанную в грязь, в прямом смысле обесчещенную девчонку, — спра-
вится он с той, кто без малого пятнадцать лет защищала таких вот девчонок?

Я поймала себя на том, что любуюсь в зеркале лучшей из своих улыбок, и быстро при-
дала лицу запуганный, посрамленный вид. Глафира, стоя на коленях, заканчивала чистить мою
юбку, и едва она начала подниматься, а я перестала кривляться в зеркало, я увидела — догадка,
что за мной наблюдали, верная.

— Прошу, Анна Дмитриевна, — незнакомец стоял в дверях и приглашающе протягивал руку. — Негоже заставлять себя столько ждать.

— Мне, право, так стыдно, — залепетала я, держа спину прямо, но низко склоняя голову.

«Тебе не раз это пригодится», — наставлял меня тренер по самообороне. «Помни, удар скорее достигнет цели, когда нанесен исподтишка».

За незнакомцем я шла по богатым, с высокими потолками, но тесным и обильно заставленным мебелью комнатам, к тому же проходным, и меня поражало, как странно организовывали быт аристократы. Кабинет рядом со столовой, затем комната отдыха с кушеткой и письменным столом, следом большой, по сравнению с прочими комнатами, бальный зал, лестница... Я, видимо, недопустимо высоко задрала юбку, потому что мой провожатый озадаченно посмотрел на меня несколько раз.

Приличия приличиями, но мне не нравится идея свернуть себе шею. Лестница узкая, с узкими же ступеньками, в одном месте я запнулась о ковер, и незнакомец подхватил меня под локоть и тут же отпустил руку.

На лестничную площадку второго этажа падали разноцветные бледные пятна от витража, и уже зажгли лампы.

— Прошу, Анна Дмитриевна, — произнес незнакомец, распахивая передо мной дверь. — Будьте учтивы.

Дверь за моей спиной закрылась, и я осталась одна на один с тем, кто все это время меня так терпеливо ждал.

Женщина была стара как мир — я не подозревала, что в это время жили так долго. Я дала ей лет восемьдесят, возраст, даже в мое время более чем почтенный. Но когда, повинуясь жесту, подошла ближе, то поняла — женщина много, много старше.

Она сидела в роскошном кресле, обитым ярким синим бархатом, одетая в дорогое бархатное же платье, не забыла ни про тяжелые серьги, ни про кольца на старческих, узловатых пальцах. От нее ощутимо пахло тленом, но старуха не собиралась помирать.

Она величественно протянула руку, указывая мне на низкую табуреточку, и я села, отметив — меня продолжают низлагать. Ноги пришлось вытянуть, и старуха слегка спала с царственного лица.

— Дура, — коротко припечатала меня старуха, я чуть поморщилась — говорит она громко, стало быть, слышит паршиво, значит, мне придется орать в ответ. — Дура вы, душенька моя! Но видит Всеотец, поверить в слухи, которые про вас тащат в мир, явить себя дурнем еще поболе.

Старуха была беззубой, но говорила четко. Своими новыми глазами я видела каждую морщинку на ее лице, а она рассматривала меня в ответ, словно прикидывала, сколько даст за мою пропащую шкуру.

Что ей все-таки нужно от меня?

Старуха демонстративно закатила глаза, но тут же вздохнула и обратила свой взор на меня.

— Что вы, Анна Дмитриевна? Куда думаете идти? Вам кто-то даст приют?

— Не знаю, — крикнула я, артикулируя сверх всякой меры.

— Что вы орете, душечка, я не глухая! — оскорбилась старуха, но особого внимания моему конфузу не придала. — Родители же ваши скончались, верно помню, или живы-здоровы, сжальтесь, утешат душу заблудшую?

Родителей своих я не видела никогда, хотя они, конечно, существовали. Дай бог здоровья и всяческого добра отважному полуночнику с собакой, который расслышал мой отчаянный писк и ринулся в неосвещенную лесополосу.

Милиционеры и врачи пришли в ужас, поняв, что я почти сутки пролежала под кустом с августовской холодной ночи, а в доме малютки мне дали фамилию Живучева.

— Отец Афанасий? — продолжала старуха, ответа от меня не дождавшись. — Дорога к нему дальняя, но примет же он сестру, какой бы падшей она ни была, святой человек. Есть у вас деньги, Анна Дмитриевна?

— У меня даже паспорта нет, — хмыкнула я, глядя старухе в глаза. Губы ее дернулись, она облизнула их остреньким бледным языком, словно учла, что я особа не только бесчестная, но и беспаспортная, и можно мной паче чаяния закусить.

— Было ваше сиятельство, да все вышло, — довольно резюмировала старуха, и мне показалось, что она хочет подняться, но нет, она просто расправила плечи и стала будто крупнее и значимее, чем была. — Сгорело до головни, — и она отрывисто и негромко засмеялась собственному каламбуру. — Что делать думаете, Анна Дмитриевна?

Старуха щурила на меня глаза, поигрывала пальцами, и искра от камня на ее перстне была мне прямо в лицо. Сколько бы я ни тянула время, вынуждая старуху говорить и дать мне подольше информации, вечно это продолжаться не будет. В любой момент я ей могу наскучить и вылететь отсюда как пробка. Никто со мной церемониться не станет.

— Я только что получила развод, — напомнила я, незаметно морщась, потому что память подсказывала — я должна добавить какое-то обращение, но кроме того, что старая ведьма богата как крез, я ничего о ней не знала.

— «Ваше сиятельство», — желчно подсказала она, уткнув себе палец в грудь. — Я, душечка, титулом не разбрасывалась.

— Ваше сиятельство, — добавила я послушно. К чему дергать ее за усы. — У меня отобрали дочь, я попала под лошадь. Я хотела заложить перстень — нет паспорта, и возле ломбарда меня встретил..

Кстати, кто? Но старуха внимательно слушала мою исповедь.

— И вот я перед вами, ваше сиятельство. Истерзанная, голодная, — напоминаю, в любую игру могут играть двое! — Оболганная и бесправная. Вы пригласили меня, хотели видеть меня, не для того ли, чтобы увидеть, как можно смешать с грязью несчастную женщину?

«Не для того ли, чтобы потешиться самой», — хотела добавить я, но не успела. Старуха, слушая меня с беззубой улыбкой до ушей, вдруг заливисто, как девчонка, расхохоталась, и смех ее, что меня поразило, шел от сердца.

Мне было не смешно, но я пыталась улыбаться.

— Душечка! — всхлипнула старуха, утирая выступившие слезы. — Душечка моя Анна Дмитриевна! Что вы знаете обо мне кроме того, что известно всему Нивенбургу? Затворница старуха Замыцкая, ни жива ни мертва, а может, она давно продала душу нечистому! Сироту в пять годков отправили в воспитательный дом, многие ли оттуда вышли умом здравы? «Не для того ли», — передразнила меня она, — вы, душечка, не бежали в двадцать лет по горящему городу! Лошадь! — она снова засмеялась, но уже злобно, полосуюя меня горящим лютым взглядом. — С десятка гишпанских солдат, душечка, пуще лошадиных копыт! Вытащил меня из огня мужик, в чем душа-то моя держалась, он с бабой своей меня и выходил, а в семье его без меня десять ртов, да на пепелище голодные!

Знакомый прием — выдумай и расскажи, что с тобой было, чтобы заставить кого-то действовать наконец на благо себе, но никогда я не могла сказать, сколько в нем выдумки, сколько правды. В конце концов, не так было существенно, старуха все это пережила или кто-то еще. Я содрогнулась, представив себя на ее месте. Она права, лошадиные копыта... калечат только физически.

— На барина после, как холопка, батрачила, вышла, выстояла, пережила трех императоров, шестерых мужей, при дворе выгрызла место, — перечисляла старуха, в подробности уже не вдаваясь, потом замолчала, а я пожалела, что самые интересные детали она опустила. — Один дурак заявлял — «государство это я». Государство это я, — веско закончила старуха, и до меня не сразу дошло, что она имела в виду.

Шаг за шагом, день за днем, целенаправленно, упорно эта женщина поднималась по лестнице на самый верх. Она уже стара, ноги не ходят, но глаз остер, а ум цепок. Понятно, почему мой незнакомец говорил, что в ее доме я мечтала побывать — старуха Замыцкая, вероятно, была единственной, кто мог повлиять на решение моего мужа, кто мог не допустить мой развод.

— Я не такая сильная, как вы, ваше сиятельство, — я вспомнила про учтивость. Старуха заслуживала того. — Может быть, чуть раньше вы могли бы... помочь мне, но не сейчас. Мой муж...

— Ваш муж, — прервала меня Замыцкая, властно махнув рукой, чтобы я заткнулась и рот раскрывала, когда мне велят. — Вы здесь из-за вашего мужа, душенька.

А моя жизнь уже не впервые летит в тартарары из-за мужей.

Глава четвертая

Старухе хотелось встать, но сил не хватало, она терзала пальцами подлокотники кресла и ненавидела меня. По сравнению с ней я ничтожество, но я молода. На моем месте любая другая — богатая, бедная, с титулом или без — перенесла бы все те же унижения, будь ей какие-то смешные двадцать пять.

— Что за нужда была предавать все огласке? — успокоившись и приняв, что к креслу она прикована, спокойно спросила Замыцкая. — Блудили вы или нет, Анна Дмитриевна, сие неважно.

Я не могла ответить на этот вопрос. Мне казалось, что у поступка моего мужа была одна цель — наказать изменницу, но после слов старухи я начала сомневаться. Да, я стала мишенью для плевков, меня высмеяла вся улица, а единственный человек, кто попытался проявить ко мне хоть немного участия — Софи Яблонская — моментально был просвещен, в чем он неправ.

— Я не знаю, ваше сиятельство, — пробормотала я, надеясь, что старуха еще что-то скажет. Но она посидела, притопывая ногой, и снова смирилась со своим роскошным креслом. Конечно, на какое-то время. — Он мог оставить все... в тайне?

— Мог? — Замыцкая посунулась вперед, вытянула руку и указала на меня пальцем. — Душечка, вы когда-нибудь глядели вокруг? Нивенбург, по-вашему, безупречен и блюдет верность мужьям и женам? В пору, когда я еще могла ходить, у меня было любимое занятие — искать в детях черты знакомых женам мужчин!

Она снова рассмеялась. Я прикрыла глаза, и чувство, что моя собеседница молодая и безусловно злая женщина, стало абсолютным. Замыцкая ненавидела весь мир, и, может, у нее были на то причины, вместе с миром она ненавидела и меня, и я заставляла себя сидеть, сложа руки. Мне некуда было идти и неразумно уходить до тех пор, пока старухе я не наскучу.

— Так, Анна Дмитриевна, что вы намерены делать? — отсмеявшись, серьезно спросила старуха. — Вы молчите, как рыба, я склонна думать, что не упрямство тому виной, а ваша глупость. Были бы вы умней, не довели бы дело до развода. Безумие! Чему Андрей Аркадьевич принес вас в жертву? О, вы казались мне стократ умней...

— Я!.. — выкрикнула я отчаянно, догадываясь, что Замыцкая в бешенстве от моего молчания. Знай я хоть что-то, ответь ей хоть на один вопрос, и она предложила бы мне то, ради чего приказала затащить меня в этот дом. — Я... это все лошадь, — выдавила я первое, что пришло мне в голову. — От удара болит голова и я отчего-то не помню даже суд...

Старая опытная интриганка считает, что меня оговорили, раз; два — что мой муж отчего-то решил уступить этому оговору, хотя очевидно — он мог на все закрыть глаза, ежели в соседнем доме из пятерых-шестерых детей на хозяина похожи отсилы двое, а остальные — то проезжий гусар, то пронырливый князек, а то и вовсе лакей Федюнька. И ни жене, ни мужу не приходит в голову просить развод, к тому же от мужа, скорее всего, такие же малыши резвятся в других домах вместе с единоутробными братьями.

Условность, которую приняли, хороша она или плоха, и договорились не порицать супружескую измену открыто, иначе последствия станут совсем плохи. Измена не так страшна, как развод — допустим, это я уже выяснила на собственной шкуре.

— Когда я видела вас в последний раз на балу у княгини Катыковой, — недовольно проворчала старуха, — вы мне казались куда смышленей, чем теперь. Вам предстоит немало трудного — как вы справитесь со всем этим со своим куриным умом, одному Всеотцу ведомо. Вернитесь в дом, Анна Дмитриевна, заявите, что вы в своем праве, найдите злословника. Вы же хотите отомстить, вас унизили, ваш муж предал вас — даже! Даже, душечка вы моя, если в

вашей хорошенькой, но безмозглой головке сидела мысль об измене, и даже если вы нет-нет, но задержались в чужой спальне.

Нет, я не думала о мести, Франкенштейн мне был абсолютно безразличен. Дочь, у меня есть дочь, я просто верну ее. Невозможно, чтобы у меня отобрали самое дорогое безнаказанно.

— Скажите имя того, кто запустил оговор, Анна Дмитриевна, и я его уничтожу, — пообещала Замыцкая, глядя на меня как удав на кролика. — Вместе с вашим супругом.

— Из женской солидарности? — не подумав, спросила я, старуха, конечно, не поняла.

— Из женской?.. — переспросила она, морща лоб, и странное дело, казалась от этого даже моложе. — А это, душечка, не вашего ума дело!

Отстань ты от моего ума, старая дура.

— И как я смогу?.. — начала я, испытывая странное чувство, будто я уже все это видела, слышала и говорила кому-то сама, и тогда я была на месте старухи Замыцкой — пусть и не так влиятельна и стара.

Возьми документы, ребенка, пару самых необходимых вещей, уйди от мужа, это не так сложно и не так страшно, как тебе кажется. Дешевый хостел, работа в магазине кассиром, исковое заявление можно скачать из интернета. Не дожидаясь, пока тебя убьют. Не доводи до невозврата.

— А это не моего ума дело, Анна Дмитриевна, — равнодушно отозвалась старуха. — У меня никто не спрашивал, как да что, а и спросили бы, не смогла бы я дать ответа.

И не предъявишь старой стерве, что ей на бархатном троне хорошо рассуждать. На трон она вскарабкалась, поскользываясь на собственной крови и чужих костях — и я точно такая же. Я смогла, сможешь и ты, но как же сложно в это поверить.

В моем бреду жизнь возвращает мне оплеухи, которыми я разбрасывалась, уверенная, что раз смогла я, то смогут и остальные.

Понятно, что старуха собирается моими руками жар загрести, и у нее какие-то счета с моим мужем. Но кто сказал, что я обязана следовать ее правилам?

— У меня ничего нет, — предприняла я последнюю попытку. — Ни денег, ни паспорта, ни... — я замолчала, поняв, что говорю в стену. Что там она сказала про город в огне, гишпанских солдат и чуть ли не батрачество?

Воистину, самые жестокие люди те, кто поднимался из грязи в князи.

— Если я найду, кто меня оговорил, — я поднялась, но старуха словно не слышала, — ваше сиятельство, — о, соизволила повернуть голову, кобра в золоте, — и назову вам имя, вы вернете мне дочь. Мой муж... делайте с ним, что хотите. Я хочу, чтобы моя дочь была со мной.

Замыцкая, сидя ко мне вполоборота, растянула губы, мне показалось, что и надула капюшон. Добычей ее была не я, а кто-то мне невидимый, и острый змеиный язычок снова быстро мелькнул промеж выцветших губ.

— Он передаст вам право опеки над дочерью по доброй воле, Анна Дмитриевна, — прошипела старуха, — или напишет завещание. А после этого...

Нет, хотела крикнуть я, но горло стиснуло спазмом. Старая вешалка выжила из ума, она психопатка, я не собираюсь никого убивать, я собираюсь договориться. Но Замыцкая посчитала, что и без того сказала достаточно.

— Станислав, — она сделала ударение на «и», — сообщит вам, как и когда дать мне знать. Идите, Анна Дмитриевна, я устала.

Я, не зная, что сказать, сделала немыслимый книксен и начала отступать, пятясь. Старуха косилась на меня, по-прежнему не поворачиваясь, ее так и подмывало рывкнуть на меня, чтобы прекратила паясничать, но мне обернуться к ней спиной было страшнее, чем снова оказаться на улице под насмешками и плевками. Наконец я вышла и закрыла дверь, и сердце мое так колотилось, что я не сразу вникла в слова моего знакомого незнакомца.

— Аполлиария Григорьевна вас не съела? — поинтересовался он с усмешкой. — Старая змея была сыта.

Он улыбался, и я не могла отметить, что он располагает к себе, с ним хочется быть откровенной, излить душу, поплакаться, может быть, попросить совета и, чем черт не шутит, еще и денег. Но это во мне говорила испуганная, затравленная юная графиня Анна. Та умудренная жизнью Анна, которая когда-то в одночасье осталась так же на улице одна, без денег, без связей, с клеймом позора, считала иначе.

Те, кто бросает грязь тебе в лицо, не так опасны, как те, кто прячет за пазухой острый нож и в любой момент готов воткнуть его тебе в спину.

— Поостерегитесь говорить о ее сиятельстве непочтительно там, где она с легкостью может вас услышать, — мрачно посоветовала я, окончательно приходя в себя. — Иначе она и вам откусит голову.

— Мне она голову не откусит, — уверенно, но гораздо тише заявил незнакомец, жестом приглашая меня спуститься по лестнице. Он этот загадочный Станислав или нет? — Она жалеет, что скоро умрет и не увидит, как над ее гробом фальшиво рыдают родственники, и не услышит, как они ее проклянут. Я ей нужен...

Он шел чуть впереди и подал мне руку, хотя я, замороченная донельзя, теперь шла, о платье не думая, а поэтому не спотыкаясь. Допустим, что я сыграю с Аполлиарией Замыцкой в ее игру, но для начала мне нужно найти себе приют. Место, где мне хотя бы не плюнут в тарелку, едва я отвернусь, а может, даже не дожидаясь.

Остановившись, я сняла с пальца перстень.

— Купите у меня это, сударь, — велела я, протягивая перстень незнакомцу. — Полторы тысячи.

Как называются эти их чертовы деньги? Вылетело из головы.

Незнакомец, даже не подумав взять перстень, качнул головой.

— Я не торгаш, Анна Дмитриевна, — сказал он ровно то, что я сама говорила вот только что, в ломбарде. — Я купил бы у вас этот перстень за любую сумму, какую бы вы ни назвали. Но как вы себе представляете — я, дворянин, воспользовался вашим бедственным положением?

Я надела перстень обратно на палец, ничего не поняв из его слов, а незнакомец, бесспорно, полагал, что изъяснился достаточно.

— Воспользовались и переплатили... сударь? — спохватившись, добавила я это смешное обращение. К «сударю» тянуло прибавить «тысяча чертей, каналья!» и размолоть о чью-нибудь башку парочку стульев, как Портос.

Но я, пожалуй, оказалась внезапно мастером бесконтактного боя. У незнакомца был вид, словно лягушка заговорила, причем начала сразу с планов государственного переворота. Что ей ответить — мне, то есть — он с полминуты не знал.

— Вы ставите меня в крайне щекотливое и неловкое положение, Анна Дмитриевна, — наконец твердо, но настолько тихо, будто сейчас действительно опасался чужих ушей, сообщил он. — Оставшись абсолютно без средств к существованию и будучи особой, подвергнутой без малого самым настоящим гонениям, вы предлагаете мне приобрести у вас вещь, которая безоговорочно ваша.

В переводе на прямолинейный язык сие значило: последняя ворона в курсе, что цапка ваша, а вы мне предлагаете ее у вас купить — и как я буду выглядеть, какой скотиной, мерзавцем, сволочью и так далее, вы мне плюете на репутацию, завидно, что ли, что у меня она еще есть, а у вас нет.

— Вы на глазах у всей улицы схватили меня за руку и затащили в свой экипаж, — напомнила я, кривясь в издевательской ухмылке. Пора и мне натывать кого-нибудь мордой в дерьмо. — Куда-то отвезли — додумают куда, в течение некоторого времени я была за закрытыми дверями, потом — а что потом, я же сейчас выйду отсюда и отправлюсь куда глядят мои глаза, а

вам завтра же клеймо совратителя и без того низко падшей. Поэтому давайте полторы тысячи, вам зачтется.

Приказчик в ломбарде, имей я чуть более пристойный вид и время торговаться, выкупил бы у меня перстень за полторы тысячи. Я даже не сомневалась, что уже к вечеру он продал бы его тысячи за три. Но то купец, они как-то понятнее и честнее.

— У меня нет таких денег здесь и сейчас, Анна Дмитриевна, — виновато поморщился незнакомец и с досадой потер нос фалангой указательного пальца.

Эта игра оказалась тоже весьма увлекательной: лиши собеседника дара речи. Но это лучшее, что он мог придумать, чтобы от меня отвязаться наконец.

— И да, Анна Дмитриевна, если — когда я вам буду нужен, пошлете кого-нибудь в дом купца Ростова с запиской в любое время. Меня найдут.

Как бы случайно сболтнул, сукин сын, самое важное. Со старухой он явно на очень короткой ноге, и Замыцкая ему доверяет. Возможно, что он не без оснований рассчитывает на все наследство старой гюры.

Я постараюсь обойтись без посредничества этого красавца. Старуха ему доверяет, а он наверняка ее доверие не оправдывает, хотя отлично себя в ее глазах зарекомендовал.

— Савватей! — позвал он негромко, и холуй явился так быстро, что я подумала — не грел ли он тут рядышком уши. — Проводи Анну Дмитриевну, посади на извозчика да оплати вперед, куда она скажет.

— Сделаю, Станислав Казимирович, — чуть поклонился лакей и стал на мгновение очень похожим на цирковую лошадь.

Мне же все представление наскучило, едва стало ясно, что тратить время на него смысла нет. Декорации потрясающие, на высоте актерская игра, но финал известен, стало быть — карету мне, карету.

Извозчиком обойдешься, издевалась над собой я, пока топталась возле подъезда, а Савватей бегал за ванькой. Улица такая тихая, кажется, ни единой живой души, кроме ворон, но приглядеться, и из окон высовываются счастливые моим несчастьем рожи, поди, еще и обсуждают меня.

Плевать. Зато теперь я знаю, каково стоять на панели в ожидании своей судьбы.

— Пойдемте, барыня, — вздохнул явившийся Савватей. Барыня, про «ваше сиятельство» все забыли, права была старуха, права. — Ваньке я заплатил, велел, чтобы вас довез, куда скажете.

А ванька так и послушал тебя, дорогой друг. И, потешаясь лакейской наивностью, я устроилась на гремучей извозничьей коляске, потребовала поднять капюшон, спряталась за дырявой воловьей кожей.

— Куда, барыня, ехать прикажете? — обернулся ко мне извозчик.

Вези меня, пока я не скажу «хватит». Вези на край земли, тебе же за все заплачено. Кто знает, где мы окажемся? Ваньке я не ответила, махнула рукой, мол, отвязись, езжай прямо.

Город натягивал ночь, как покрывало, укутывался темнотой от ветра, ежил, прятал голову в плечи. На улицах стало меньше состоятельных прохожих и совершенно исчезли дамы, а парочку женщин, в чьих занятиях сомневаться не приходилось, я заметила — точно так же и я днем забила в нишу, скрываясь от осуждения, черт бы их побрал, людей. Шариком желтого пламени горели газовые фонари, и даже на полметра в сторону они не отбрасывали свет.

В изобилии тянулись подводы крестьянские и купеческие, пролетела парочка изящных карет, проскакал куда-то на лошади бравый гусар. Окна домов тускло светились, дворники закрывали кованые ворота, сильнее, чем днем, пахло навозом, и лишь когда мы оказывались на перекрестке, ровный и сильный ветер прохватывал меня до костей и просаливал, как рыбешку.

Вот теперь мне стало по-настоящему холодно и нешуточно страшно. Ванька оглядывался на меня пару раз, я понимала, что его смущает — место назначения я ему так и не сказала, но заплатил ему Савватей, видно, достаточно, и пока он не возникал.

Но конец ведь приходит всему. Я закусила губу, чтобы не так откровенно стучать зубами. Мы выехали на набережную, и стыло здесь было так, что я едва не завывала, по правую руку тянулся невысокий забор с изящными барельефами, зябли низкорослые кустики, а на другом берегу реки из окон бесконечного здания с белыми колоннами бил настолько слепящий свет, что я прохныкала чарующую мелодию бразильского гения.

О, если б мне хоть раз набраться сил, хотя в оригинале пелось совсем о другом!

— Стой! — внезапно для себя самой хрипло крикнула я. — Стой, останови здесь! Да стой же!

К чертовой матери дворец.

— Останови!

Ванька решил, что от шалой барыньки лучше избавиться, пока есть возможность. Я, кое-как выбравшись из повозки, подтащила юбку к коленям и зашлепала по лужам обратно, к дворцу, которую заметила промеж кустов.

Она была заперта, но только лишь на задвижку, и я легко могла бы просунуть руку, открыть дверцу и спокойно войти. Я так и сделаю, но позже, если никто не отзовется на мой стук.

Глава пятая

В жизни, которая осталась где-то там, и я все еще не могла понять, где именно, — в той жизни я пришла бы к двери, на которой был крест. «Стучите, и откроют вам» — слова, которые всегда вселяли надежду. Где еще искать пристанище бесприютным, как ни в храме или монастыре?

На этой двери было солнце в ладонях. Я гнала очевидную мысль, что это всего лишь декор. Слишком сложный, слишком говорящий символ, не похожий ни на фамильный герб, ни на причуду архитектора. И да, я стучала, стучала не переставая, и наконец послышались шаги.

Сердце взбрыкнуло и замерло, потому что к калитке уверенным шагом шла молодая стройная женщина в длинных одеждах, и несмотря на сумерки, мне удалось рассмотреть, что цвет ее одеяния темно-синий. Голову женщины покрывала накидка цветом чуть светлее, чем платье, концы накидки скрепляла брошь с солнцем в руках. От облегчения меня зашатало, я схватилась за калитку, женщина подошла ближе и настороженно уставилась на меня.

— Здравствуйте, — пролепетала я, не зная, как к ней обращаться. Женщина с тревогой всматривалась теперь почему-то в улицу, даже будто прислушивалась, и я притормозила радость. Что-то с самого начала пошло не так.

— Вечера доброго, сударыня, — несколько сухо отозвалась женщина, и я совсем потерялась. Жизнь шаршила по мне бумерангом. Сколько раз я вот так отказывала тем, кто нуждался в помощи, потому что...

Потому что у нас тоже существовали инструкции, которым мы обязаны были следовать, и буква закона звучала громче вопля отчаяния.

Женщина вздохнула, подошла к дверце, отворила ее и вышла на улицу — я отпрянула в сторону. Женщина сперва протянула руку вверх, нащупала и дернула веревочку — зазвенел призывно колокольчик, и она удовлетворенно кивнула. Затем она наклонилась, пошарила в кустах и вытащила оттуда крошечную плетеную колыбельку, но мне ее не отдала.

— Где младенчик? — сурово спросила она, прижимая колыбельку к груди. — Примем, сударыня, только ежели вы родильницу приютили, а ежели какой своей девице велите...

— Нет! — перепуганно крикнула я, и растерялась уже женщина. — У меня нет младенцев!

— Так зачем, сударыня, вы к люльке пришли? — с явным облегчением проворчала женщина и вернула колыбельку на место, прикрыв ее от непогоды, а я заозиралась. Эта дверца и звоночек для тех несчастных, кто вынужден оставить свое дитя на пороге храма?

В ответ я могла сказать только пафосное:

— Я и есть то беспристанное дитя... святая сестра.

— Всеотец! Вы плохо видите? — забеспокоилась женщина, поспешно подходя к дверце. — Идите-ка, сударыня, руку давайте...

— Я хорошо вижу, благодарю, — выдавила я, стараясь погасить внезапную панику. Что-то я сказала такое, из-за чего женщина решила, будто бы я слепа, но, пока она не передумала, позволила себя завести внутрь по-весеннему еще голого сада.

— Так что же «святая», сударыня? — вздохнула женщина, закрывая дверцу, и, может, думая, что я не расслышу, а может, сознательно, ибо мало кому чуждо наслаждение уколоть ближнего своего, тихо прибавила: — Кошунница какая.

Я это проглотила. Пока за это меня не волокут в острог, перетерплю.

— Что беспристанная? — сестра указала мне идти вперед по тропинке и сама пошла следом за мной. — Погорелица, долги?

Допрашивала она мастерски, без лишних слов и эмоций. Должно быть, в ее обязанности входило принимать подкидышей, а если получится, если успеет, то и отговаривать мать.

— Развод, — коротко ответила я, вверяя свою судьбу в руки провидению. Может быть, мне даже здесь не найдется места. — Мой муж со мной развелся.

Я еще прошла вперед и только потом сообразила, что сестра за мной уже не идет, встала и обернулась. Сестра и в самом деле стояла столбом, тряхнула головой, лишь когда я на нее посмотрела, помедлила, махнула рукой.

— Книга Старцев велит у просящих крова причины не спрашивать, — опять глубоко вздохнув, извиняющимся тоном объяснила сестра и кивнула, мол, иди дальше. — В Доме Света найдется место, — прибавила она заученно, но меня устраивал такой вариант. — Идем, сударыня, как преклонение кончится, с агиадельфией поговорите.

И этот расклад меня вполне устраивал, и я покорно плелась теперь уже за сестрой, разглядывая сад. Монастырь, это очевидно монастырь, причем крупный и богатый настолько, что расположен почти в центре города и имеет возможность принимать и воспитывать подброшенных к его стенам детей.

Все звуки и запахи города исчезли, едва мы отошли от ограды, и меня окружили покой и тишина. Даже деревья, озябшие за пределами обители, здесь казались другими. Они не пытались сцапать облака и прикрыть ими наготу, они расслабленно раскинули ветки, словно бы медитируя, и кое-где, хотя, возможно, мне это лишь показалось, уже набухли сочные почки. Клумбы и газоны были перекопаны, на столбиках, попадавшихся на каждом шагу, чуть трепыхались разноцветные ленточки и тихо звенела музыка ветра. На вершине столбиков я заметила все те же символы — ладони и солнце, и похвалила себя. Я все-таки молодец, нигде я не пропаду.

Сестра свернула вправо, я за ней, впереди показалось низкое белое здание, украшенное солнцами и ладонями, музыка ветра слышалась громче, пахло горелой хвоей.

— Меня зовут сестра Параскева, — оглянувшись, представилась моя спутница, и я — только что я себя хвалила? Получай, гордыня — грех! — на мгновение закусил губу.

— Анна, — неуверенно ответила я, потому что отчество было в этих стенах неуместно, а фамилии своей я не знала. — Просто Анна.

— Обеты принять хотите? — обрадовалась сестра Параскева и приоткрыла мне дверь. — Радостно!

В общем, для меня обеты, наверное, ничего не меняют, успела подумать я, шагая за сестрой в звенящую и пахнущую темноту. Дочь, мне нужно вернуть дочь, она должна быть рядом со мной, а все остальное как сложится.

Параскева назвала храм «Дом Света», но в нем царил полнейший мрак. Лишь впереди, где горели несколько свечей, стояли сестры в белых одеждах. Параскева прижала палец к губам, я понятливо кивнула и встала, куда мне указали.

Молиться я не умела, поэтому замерла в той же позе, что и остальные — прямая спина, руки опущены, лицо обращено к небу, глаза закрыты. Я из-под ресниц разглядывала сестер. Совсем юные и постарше, возрастом как я и Параскева, и зрелые, и совсем немощные старушки. Крутить головой во все стороны я не решалась, но зацепила взглядом группу смиренно стоящих детей, причем как девочек, так и мальчиков.

Кто-то ударил в звонкий гонг, я вздрогнула и повторила за сестрами жесты — руки, словно воздетые к солнцу, и чуть с опозданием слова:

— Благодарю тебя, Всеотец, за день прожитый благостно во имя твое! Радостно!

Так это была не издевка со стороны Параскевы.

Сестры в белом начали зажигать и передавать остальным свечи, в храме становилось светлее, я рассмотрела огромное количество цветов — скорее всего, бумажных, все же на улице ранняя весна; от огоньков засияли изображения солнца в ладонях, нарисованные на стенах, от движения набрала силу музыка ветра. Ко мне повернулась полненькая, очень красивая сестра в зеленом облачении, с улыбкой вручила свечу.

— Радостно!

— Радостно, — невесело согласилась я.

Преклонение не закончилось, мы еще долго стояли молча со свечами, и каждый из нас просил Всеотца, наверное, о своем. Я не знала, имею ли право у него что-то требовать. Я даже не знала, не погонят ли меня отсюда, несмотря на уверения сестры Параскевы. Вряд ли люди мирские судили меня, опираясь на собственные представления о добре и зле...

Дочь. Я не знаю ее имени, но я ее уже люблю. Она маленькая, беззащитная и сейчас плачет в подушку, зовя маму. Она знает, что мама уже не придет, но кто запретит ей надеяться! Я приду, солнышко, непременно приду за тобой, и никогда, я клянусь тебе, никогда ты больше не будешь плакать ни от обиды, ни от страха.

Что бы ни случилось, я за тобой приду.

— Анна! — сестра Параскева осторожно тянула меня за рукав и, судя по всему, моей прострацией была восхищена. — Идем, двери Дома всегда открыты, а сейчас вас ждет агиадельфия.

Сестры не торопились расходиться, и нам пришлось не слишком вежливо проталкиваться. Но нас пропускали, с улыбками поглядывая вслед, и я сделала вывод, что новеньким здесь и вправду рады. Сестра Параскева успевала меня наставлять.

— Агиадельфию называть «досточтимая матушка», испросить разрешения сесть можете, но если немощны. Испить воды вам агиадельфия предложит, отказываться нельзя, пригубите воды, остаток передайте. И мой вам совет, Анна... — Параскева остановилась напротив двери, из-за которой доносился совершенно невыносимый аромат благовоний. — Будьте с агиадельфией откровеннее, чем со мной.

Она толкнула дверь, и я сделала шаг, от запаха хвои почти теряя сознание.

Кабинет настоятельницы был небольшой, хорошо освещенный, обставлен неброско, но явно комфортно и для хозяйки, и для гостей. Добротный стол красного дерева, изумительной красоты резной книжный шкаф, два кресла — для агиадельфии и для визитера. Я вошла, Параскева закрыла за мной дверь, и я застыла, глядя на точную копию Аполлинарии Замыцкой.

Казалось, что кто-то вдохнул в старуху молодость и жизненные силы и перебросил из кресла в особняке в кресло монастырское. Я заморгала — иллюзия, что мне показали результат работы мобильного приложения, была абсолютной. Агиадельфии вряд ли было больше сорока лет, она была с виду такой же величественной и властной, как и Замыцкая, и, как и предсказывала Параскева, налила в высокий стакан воды из графина, дала мне.

Я, как предупреждала Параскева, отпила, едва намочив губы, вернула стакан.

— Радостно, досточтимая матушка, — проговорила я, молясь, чтобы хоть сейчас не выставить себя полной дурой. Здесь не одобряют небрежность, сочтут за пренебрежение, и идти мне по просоленному ночному городу навстречу невесте какой судьбе.

— Садитесь, Анна Дмитриевна, — просто сказала агиадельфия, ставя стакан обратно на стол. Она не приказывала, но я шлепнулась, словно над моей головой щелкнули кнутом. — Какой приют избирают падшие, какой милости просят за непростительные свои грехи.

Это очень, очень скверное начало.

— Куда нам идти, — продолжала агиадельфия, и голос ее звучал убаюкивающе, завораживающе, как стекляшки на музыке ветра, и в голове мутнело от запаха благовоний, — как ни в Светлый Дом, где для каждого есть место под оком Всеотца по его милости. Отец Афанасий, как он?

Я, беспомощно барахтаясь в стеклянном звоне, обалдело пробормотала нечто среднее между «черт его знает» и «все с ним хорошо», но агиадельфия меня даже не слушала.

— Отвечу и я перед Всеотцом за грех, но я еще плюну ему на могильный камень, — прозвенела агиадельфия, и я, окончательно перестав понимать гипнотические речи настоятельницы, хотя бы сообразила, чего ради она велела мне сесть. Не каждый день услышишь от

монахини такие признания, и сомневаюсь, чтобы она высказывала их всем. Мне высказала, и сколько же она ждала этого часа?

— Я не могу отвечать за отца... Афанасия, — промямлила я, в меня полетели гневные молнии, и я, опомнившись, быстро прибавила: — Досточтимая матушка.

— Я вас и не обвиняю, — уже совершенно обычным голосом отозвалась агиадельфия и поморщилась. — Что привело вас в обитель? Сестра Параскева передала, вы ищете приют.

— Мой муж настоял на разводе, досточтимая матушка, отобрал у меня дочь, я осталась без крова, без средств, без имени, — выпалила я, обрадовавшись, что разговор свернул наконец в деловое русло. Агиадельфия сидела, прижав сложенные домиком ладони к губам и подбородку, и с интересом меня рассматривала, я отвечала ей тем же.

Одеяние на ней не белое, как мне показалось вначале, скорее жемчужное, очень красивое, атласное, дорогая струящаяся ткань, на шее скромный, но несомненно золотой кулон в виде все того же солнца в руках. Головы у местных монахинь были покрыты довольно небрежно, накидки напоминали недлинные испанские мантильи. Накидка агиадельфии свободно лежала на ее волосах, не сколотая брошью, и я с неуместной завистью таращилась на тяжелые темно-рыжие локоны.

Безумно красивая женщина. Нет сомнений, что и умная, и обладает влиянием не меньшей, чем ее — кто? Бабка, тетка?

— Так вы хотите принять обеты? — опять поморщившись, уточнила агиадельфия. Я едва удержалась, чтобы не хлопнуть себя ладонью по лбу. Я представилась сестер Параскеве просто Анной, и она сразу сделала такой вывод. Агиадельфию я, когда она обратилась ко мне по имени-отчеству, не поправила.

Параскева просила меня быть с агиадельфией откровенной.

— Я хочу вернуть свою дочь, досточтимая матушка, — честно сказала я, глядя настоятельнице в глаза. — Дайте мне приют хотя бы на время. Я обещаю, что ни словом, ни делом не наврежу обители. Я заберу дочь и уеду.

— К отцу Афанасию?

Что-то связывало эту красавицу и таинственного Афанасия, который, как я помнила из слов Станислава, леший его заберу, Казимировича, получил все наследство и передал его монастырю, а я — я осталась с носом. Но злоба, которая как-то не подобала монахине, тем более настоятельнице, прорывалась в голосе агиадельфии без малейшей попытки ее сдержать.

И я поняла, что это еще одно предложение сделки. Стоит его принять, потом разберусь, с кем и чем торговаться. Возможно, агиадельфия будет со мной честнее, чем Замыцкая и ее хитроумный прихвостень Казимир.

— Если досточтимая матушка решит, что так надо.

Агиадельфия поднялась, махнув на меня рукой, чтобы сидела. Если ее престарелая родственница лет сорок назад была хоть вполовину так хороша, неудивительно, что перед ней падали на колени властители мира.

— Вы не исправите уже ничего, не поможете никому и никого не спасете, — быстро заговорила агиадельфия, почему-то от меня отвернувшись. — Не принимайте на себя чужие грехи, Анна Дмитриевна. Ждала ли я подобное чудо, как вас в моей обители? И да, и нет. Могу ли я отказать вам в пристанище? О да, я могу отправить вас на покаяние, и сколько лет пройдет, пока такой же вот отец Афанасий не решит, что вы достойны войти в Светлый Дом не как окаянная? Ваша дочь вырастет к той поре, а быть может...

Она оборвала саму себя, обернулась, и сходство со старой Аполлинарией стало жутким. Я не могла понять, сколько ей лет, в своем ли она уме, не мерещится ли мне эта комната, этот путанный разговор, слышу ли я наяву слова, которые чисто теоретически каждый, кто хоть немного в ладах с головой, предпочитает держать в уме.

— Вы правильно сделали, что пришли, — помолчав, сказала агиадельфия. На ее лице теперь было полнейшее равнодушие, но я не спешила выносить вердикт. — Вы не повторили моих ошибок и всех моих же потерь. Вас устроят в келье, принесут облачение, завтра передадут послушание. Да примет Всеотец ваши молитвы, — пожелала она дрогнувшим голосом и указала на дверь.

Я вышла, проблевав чуть слышное прощание и боясь случайно зашуметь. У агиадельфии были ко мне — к моей семье, вспомнила я, Замыцкая упоминала, что Афанасий мой брат! — какие-то счеты, и недвусмысленно она намекнула, что собирается их свести.

Нет, Всеотец, давай мы договоримся: ты позволяешь мне вернуть моего ребенка, не втравливаешь меня ни во что, или, что мне понравится больше, — отпускаешь, и я открываю глаза в реанимационной палате. Все остаются при своих. Как тебе план?

Я смотрела на необыкновенно изящную позолоченную статуэтку в небольшой нише. Те же ладони, но вместо солнца на них сидит мальчонка лет пяти-шести. Так вон он какой, Всеотец, совсем маленький, играет с людьми, как с куклами, выходит, боги тоже познают мир? Отрывают людям, как мухам, крылья? Что тебе стоит, соедини меня с дочерью или не мучай, дай мне уйти!

Я утерла выскочившую слезу. Платье мое, отчищенное стараниями Глафиры, давно высохло, и чем бы оно ни пахло прежде, духами или же уличным дерьмом, или солью, сейчас я чувствовала лишь удушливые благовония. Кто-то деликатно коснулся моего плеча.

— Идем, Анна, — позвала меня та самая красивая сестра в зеленом, которая передавала мне свечу. — Я святая сестра Агапия, — представилась она, и я отметила, что больше ошибки не допущу: в синем — сестра, в зеленом — святая сестра. — Можете обращаться ко мне «агия», так короче. Я покажу вам келью, вы, верно, и голодны? Я скажу, чтобы вам принесли ужин.

Если бы она не спросила, я бы не вспомнила, что не ела ничего с той поры, как очнулась под копытами лошади в уличной луже. Но есть мне все-таки не хотелось, и это воодушевило. Значит, я лежу на больничной койке.

Знать бы, что меня ждет, когда я очнусь...

— Послушание ваше, верно, будет несложным, — деловито, словно мы шли по обычному офису, сообщала агия Агапия, ведя меня сперва по длинному коридору, потом по лестнице, затем мы вышли в сад и направились по тропинке к стоящему вдалеке светлому двухэтажному зданию. — Я за птицей ходила, но я, право, мала была и происхождения не благородного. А когда дала первые обеты...

Мне показалось, что я слышу детский плач, и я встала как вкопанная, успев схватить агию Агапию за рукав и даже не думая, насколько это вообще допустимо.

— Ах, это, — понятиливо улыбнулась она, — в обители детский приют. Когда я дала первые обеты и надела сестринское облачение, ходила за нашими крошками.

— А сейчас? — зачем-то спросила я. Агия Агапия, насколько я понимала, занимала положение в иерархии выше, чем Параскева, про подкидышей я уже знала, любопытство мое было скорее праздным, чем что-то могло дать.

— Я агия, — с достоинством ответила она, считая, что одно это мне все должно объяснить. — Нам мирские дела неуместны. Я библиотеку веду, Книги Старцев переписываю, но вас, Анна, пока обеты должны не дадите, до святых слов не допустят.

Не очень-то мне и хотелось, вот дети!

Я снова задержалась, рассматривая небольшой садик. Судя по тому, что он был тщательно огорожен, и калитка имела, он предназначался для детей, и в нем были даже качели и каруселька, насколько я могла рассмотреть в темноте. Агия Агапия тоже остановилась.

— Не нужно, чтобы вас, Анна, здесь агиадельфия видела, — негромко заметила она крайне серьезным тоном. Я изумленно оглянулась на нее, и ночная мгла словно прибавила красавице Агапии мрачности и угрозы. — Смотреть смотрите, издали, но не ходите сюда.

Какая связь между мной, агиадельфией и детской площадкой?

Глава шестая

Я так и не узнала эту тайну. Меня предупредили, но не сочли необходимым ничего прояснить, и отчего-то казалось, что я не хуже прочих должна понимать почему.

Почему агиадельфия не скрывает ненависти к Афанасию, такому же по сути монаху не от мира сего, как и она сама, что за ошибки она совершила, почему Агапия не подпускает меня к детям, и многое, многое другое...

Но жизнь в монастыре не оставляет времени на праздные мысли. Моментально я убедилась, что «всем молиться!» — это в кино, а в жизни — «всем работать!».

Моим послушанием было очищать полы храма и молельных комнат от напавшего воска, замачивать папье-маше для цветов и украшений и выполнять мелкие, но многочисленные поручения агий в зеленых одеждах. К моему удивлению, в белых одеждах тоже были агии — святые сестры, но еще более высокого ранга, они жили совсем в уединении в глубине обители, в низком, похожем на пещеру домике, и ели самую простую пищу: хлеб, каши на воде, из злаков и овощей — квашеную капусту, рис и картофель. Белые агии почти не разговаривали ни с кем, только молились, и занимались самой сложной, на мой взгляд, работой — создавали ритуальные украшения. Лепили из папье-маше или глины изображения солнца или статуэтки самого Всеотца, покрывали их золотой краской и после выставляли просушиваться в огромном помещении далеко за жилыми и хозяйственными постройками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.